

Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше веть царство наплывала.

(Кирша Д а н и л о в, 119).

Не шум шумит, не гром гремит
Молодой Турчин полон делит.
Не стук стучит во чистом поле,
Не гром гремит во раздольице,
Едет старый Илья Муромец.

(А. С м и р н о в. „Слово о полку Игореве“,
вып. 2. Воронеж, 1879, 164).

Задонщина, вслед за „Словом“, но гораздо чаще, пользуется отрицательным сравнением, притом не только в двучленной его форме, какая известна по фольклорным записям с XVII в., но и в трехчленной, лишь один раз встречающейся в „Слове“.

Несомненное родство повести Софония с фольклором привело к тому, что переписчики дополняли его рассказ устно-поэтической фразеологией. Уже в старшем списке XV в. (Кирилло-Белозерском), особенно свободно обращающемся с авторским текстом, „борзы конь“ Пересвета заменяется „вещим сивцом“, „трава ковыль“ — „белый ковыль“, „славны“, „силны град Москва“ — „красны град Москва“, „дышущее море“ (переписчик-северянин употребил привычное для него название океана, вспомнив его по связи с другими собственными именами из „Слова о погибели Русской земли“).

Нельзя не обратить внимания на то, что автор Задонщины, в отличие от своих современников, разрабатывавших ту же тему Куликовской победы, изъясил из своего повествования всякий намек на „чудесное“. У него нет ни знамений и видений, ни сказочной фантастики. Даже эпический гиперболизм едва различим в его изложении и то лишь как отголосок соответствующих эпизодов „Слова“, в собственном же его художественном языке преувеличение действительности отсутствует. Так сказались нарождавшиеся новые требования к языку исторического рассказа: он становится реалистичнее и дальше отходит от старого эпоса, как в устной традиции обособляется от эпической поэтики историческая песня. Таким образом героика народного эпоса с новой силой проявляется в двух повестях, художественно обработавших тему Куликовской победы, — в Задонщине и в Сказании о Мамаевом побоище. В первой идейное родство с народным эпосом выражено ярче и вытеснило совершенно официальную историософию; во второй — изложение идет в двух планах, однако свежесть народных преданий, включенных автором в свое повествование, снижает патетику религиозной чувствительности и ослабляет попытки автора внушить читателю мысль о том, что не мужеством объединившейся на Куликовом поле „Руси великой“, а небесной помощью добыта победа, небывалая в истории борьбы с татаро-монголами.